

Борис Даниленко, протоиерей (Москва)

**СВИДЕТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ.
НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ
В РАССЕЯНИИ XX ВЕКА**

Мы часто спрашиваем себя, какое место в мировой и, тем более, в европейской христианской культуре занимает наша церковная традиция? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, следует искать в исторических коллизиях последнего столетия, времени, когда *встреча с Западом* (Заглавие одной из глав книги отца Георгия Флоровского: Пути русского богословия. Париж, 1937) русской религиозности во всем многообразии ее проявлений произошла вне российских пределов.

Трагизм событий отечественной истории XX века предопределил неизбежность этой встречи, а обреченные на изгнание носители *русского типа религиозности* — оговоримся сразу: далеко не всегда причастные генетически к русскому этносу — сделались пред лицом Запада *свидетелями*, в самом высоком и древнем смысле этого слова, существования того, что стало принято называть *Святой Русью*.

* * *

Самозамкнутость, декларировавшаяся иногда как самодостаточность, русской церковно-академической науки во многом определялась самим наименованием православия в Российской Империи *греко-восточной церковью*. К европейским богословским школам, в первую

очередь протестантским и в меньшей степени католическим, в лице их лучших представителей русские ученые относились с великим почтением. Следует заметить, что и в греческой православной традиции такое отношение к западной христианской науке – и не только исторической, но и богословской – было нормой. При наличии сильных богословских школ в самой Греции с традиционными их центрами в Афинах и Фессалониках, двое из патриархов, занимавших Константинопольскую кафедру в XIX веке, завершили свое образование на богословских факультетах Германии¹. Со всем смирением, свойственным большинству русских церковных исследователей, осознавалось, что достигнуть высот в сферах археологии древних христианских памятников, изучения святоотеческих текстов и многих других направлений церковной науки русскому исследователю трудно, если не невозможно. Поэтому и учебные пособия и немногие «исследования», увидевшие свет в России в XIX – начале XX веков, по основным церковно-историческим дисциплинам носили в большинстве своем компилятивный характер, чего нельзя сказать об отечественных трудах по истории Русской церкви и истории Балканских церквей, основанных на множестве рукописных источников, хранившихся в крупнейших книжных собраниях России и Европы.

Проявление интереса к русской богословской науке со стороны западных ученых в XIX – начале XX веков можно назвать весьма умеренным. Исключения связаны лишь со столь великими светилами на небосводе церковной истории, как проф. В.В.Болотов (1854–1900). Свидетельства такого интереса в силу своей малочисленности представляются особо ценными. Вот одно из них. Совсем недавно в фонде выдающегося русского византиста, исследователя памятников канонического права проф. В.Н.Бенешевича (1874–1938) И.П.Медведевым (Санкт-Петербург) выявлены материалы, относящиеся к неосуществленному проекту издания в Лейпцигском издательстве *V.G.Teubner* ряда работ В.В.Болотова в переводе на немецкий язык².

Русская богословская традиция оформилась академически довольно поздно. Лишь реформы духовной школы в России в XIX веке послужили основанием для развития направлений церковной науки, снискавших впоследствии славу науки отечественной *пред лицом* мирового ученого сообщества. К числу таких наиболее разработанных направлений можно

¹ См.: История христианской Церкви в XIX веке. Т. 2. Православный восток. Пг.: Бесплатное приложение к журналу «Странник», 1901. С. 83–84.

² Рукописный перевод статей В.В.Болотова, выполненный Амайей Фаддеевной Бенешевич (1888–1967), хранится в Санкт-петербургском филиале Архива РАН (Ф. 192. Оп. 1. Д. 75, 76) – см.: *Медведев И.П.* Труды В.В.Болотова на немецком языке. (Прерванный проект) // История Древней Церкви в научных традициях XX века. Материалы церковно-научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины доктора церковной истории, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, члена-корреспондента императорской Академии наук Василия Васильевича Болотова... СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2000. С. 81–83.

смело отнести, например, успехи русской литургической школы, основателем которой стал проф. Н.Ф.Красносельцев (1845–1898)¹, а основным столпом был и до сих пор остается проф. А.А.Дмитриевский (1856–1929). В наши дни по прошествии более 70-и лет со дня кончины последнего невозможно представить себе исследования, связанного с изучением греческих и славянских богослужебных памятников, без многочисленных ссылок на работы Русского Гоара². Но если успехи русских ученых в изучении памятников, связанных в первую очередь с православной традицией, представляются более чем закономерными, то признание за исследованиями их коллег первенства и мировой славы в таких направлениях церковной науки, как история Древней Церкви или патристика, отнесли к явлениям чрезвычайным.

Что касается многочисленных примеров христианского благочестия, запечатленных в российских пределах благими плодами на протяжении почти десятивекового распространения евангельского учения, то об их существовании жители стран с традиционным исповеданием католицизма и протестантизма, до начала поры изгнанничества в годы революционного лихолетья имели лишь самое иллюзорное представление. Можно смело говорить об определенной асимметрии во взаимном обогащении западной и восточной христианских традиций, имея в виду в первую очередь то, что уже упомянутая *встреча с Западом* для русской культуры вполне состоялась к XVIII столетию. Следует заметить, что начало XX века в России было озаменовано религиозными исканиями в просвещенной среде, приведшими многих лиц, вышедших из традиционно православных семей, в лоно католицизма. Сам термин «русский католик», появившийся еще в XIX столетии (Гагарин, Чаадаев), стал весьма распространенным именно в период *серебряного века*, когда принятие священства русскими людьми через хиротонию, совершенную католическими епископами, сделалось весьма частым (Абрикосов, Соловьев).

Сближение русского православия с западно-христианской традицией связано с активизацией межконфессионального диалога и зарождением экуменического движения. Особо перспективными представлялись на грани XIX и XX веков отношения с Англиканской церковью. Несомненно требовалось свидетельство перед христианами запада о смысле и сути православия, суждение о котором сводилось подчас к восприятию его в качестве национальной религии греков и славян, дополненных малочисленной румыно-

¹ Интересной в связи с этой темой представляется неопубликованная статья проф. А.И.Алмазова, написанная им для Православной богословской энциклопедии, *Красносельцев Н.Ф.*, хранящаяся в РГИА (Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 462. Л. 145–146), с редакционной правкой Н.Н.Глубоковского.

² Такое «сравнительное» наречение А.А.Дмитриевского связано с именем ученого доминиканца Иакова Гоара (1601–1653), издателя Евхологиона (Париж, 1647), положившего начало научному изучению литургических источников восточной христианской традиции – см.: *Сове Б.И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды. М.: Издание Московской Патриархии, 1968. Сб. 4. С. 39–84.

грузинской группой. Первой ласточкой свидетельства перемен стала статья проф. Н.Н.Глубоковского (1863–1937) – известного уже на Западе автора исследования о блаженном Феодорите Киррском¹ «Православие по его существу», опубликованная в 1913 году на английском языке в США², а затем в следующем году вышедшая по-русски³. До сих пор статья не утратила своего символического значения, что подтверждают ее многочисленные перепечатки, хотя в начале XX века многие обратили на нее внимание только по причине известности автора в академических кругах.

* * *

И вот наступила пора изгнания. Для большинства чад русской церкви, оказавшихся в последствии на чужбине, прежде чем ступить на трап *философского парохода* или какого-либо другого средства передвижения к *чужим берегам*, нужно было сделать выбор. Выбор этот был тяжел. И главный вопрос, на который при этом следовало найти честный ответ, *не предательство ли покинуть Россию в трудный час?*

Можно говорить об определенной парадигме в поисках ответа на этот вопрос людьми, чей религиозный опыт позволял самоидентифицировать себя в качестве чад православной церкви. Несколько биографических фактов выявляют эту парадигму наиболее рельефно. Приведем один из них сейчас, другим же завершим этот доклад.

На Урале в 1919 году большевики убивают родного брата профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии Н.Н.Глубоковского⁴. Это – мсть за его публикацию десятилетней давности *По вопросу о праве евреев именоваться христианскими именами*⁵. Затем исчезает без вести племянник. Неоднократно революционными элементами грабится квартира на Невском проспекте, главное сокровище, хранящееся в ней – архив и уникальная библиотека – оказываются под угрозой уничтожения. Ученый теряет место на кафедре Нового Завета Духовной Академии, по при-

¹ Труд, за который Н.Н.Глубоковский был увенчан степенью магистра Московской духовной академии: Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность / Церковно-историческое исследование Н.Глубоковского. М.: Университетская типография, 1890. Т. 1. –4, IV, 349, III с.; Т. 2. –4, IV, 510, IV с. Дополнением к исследованию явилось издание: Творения блаженного Феодорита. Письма блаженного Феодорита в русском переводе профессора СПб. духовной академии Николая Глубоковского. Письма 1–150. Сергиев Посад, 1907. – 233 с.; Письма 151–268 и введение. Сергиев Посад, 1908. – XVI, 233–521 с.

² Orthodoxy in its Essence // The Constructive Quarterly. 1913. № 2.

³ Христианское чтение. 1914. № 1. С. 3–22.

⁴ Подробнее об истории бегства из советской России и жизни в эмиграции Н.Н.Глубоковского см.: Даниленко Борис, прот. Н.Н.Глубоковский: На чужбине (1921–1937). По материалам российских и зарубежных архивов // Сборник материалов конференции «Религиозный аспект в жизни русской эмиграции». Неймеген, 2002 (В печати).

⁵ По вопросу о праве евреев именоваться христианскими именами. Трактат и историческая справка. СПб.: 1911. – 121 с.

чине закрытия последней¹. Невозможность работать, страх, голод, неопределенность... Появляется надежда покинуть Россию под предлогом научной командировки в Скандинавию, покинуть, быть может, навсегда.

В фонде Н.Н.Глубоковского сохранился уникальный документ² – рекомендация, данная ему митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским), для оказания содействия в поездке, автограф священномученика на его визитной карточке, датированный 28 августа 1921г. Это было воскресенье накануне отъезда Н.Н.Глубоковского из большевистской России. На следующий день – 29 августа – он навсегда покинет Родину, а почти ровно через год благословивший его в путь иерарх сподобится мученической кончины.

* * *

1922 год, когда новые хозяева России решили освободить Страну Советов от нескольких десятков выдающихся представителей науки и культуры, был ознаменован началом жестоких репрессий – показательным *петроградским делом*, одним из позорнейших судеб XX столетия, отправившим на смертную казнь митрополита Петроградского Вениамина и других его сподвижников, причтенных в наше время к мученическому лику³, началом массовых репрессий по отношению к крестьянству и представителям иных *неприемлющих революционных преобразований* сословий бывшей Империи, приведшему к возникновению Архипелага ГУЛАГ.

Сейчас можно лишь строить гипотезы относительно причин такого «великодушия» к своим идеологическим и классовым врагам, высланным тогда за пределы России, со стороны оказавшихся у власти большевиков⁴, но *в те баснословные года* как писал Н.А.Бердяев, «когда мы переехали по морю советскую границу ... никто не был уверен, что его не вернут обратно»⁵.

¹ За 2 года до смерти Н.Н.Глубоковский писал в предисловии к одной из своих дореволюционных работ: «Пока я вынужденно оставался в России, – приходилось думать только о простом физическом существовании, которое... стало сомнительным даже на несколько дней вперед...» (Дидаскалия и Апостольские Постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению. София, 1935. С. 3).

² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 24.

³ В России прославление расстрелянных по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922 года священномучеников митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) и архимандрита Сергия (Шейна), мучеников Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова совершено Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 31 марта – 5 апреля 1992 года

⁴ Одна из гипотез такого рода, кажущаяся достаточно убедительной, представлена Михаилом Геллером в фундаментальной статье «Первое предостережение» – удар хлыстом. (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вестник Русского Христианского Движения. 1978. № 127. С. 187–232.

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. С. 221.

В числе изгнанников оказались выдающиеся религиозные мыслители России С.Л.Франк, Н.А.Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков, Н.О.Лосский, Б.П.Вышеславцев, И.А.Ильин, Л.П.Карсавин...

Почему же изгнание из России казалось необходимой и достаточной мерой пресечения деятельности этих людей?

Дело в том, что большинство из них, увлеченных духом времени, стали в конце XIX столетия приверженцами марксизма. Однако жажда правды, делающая человека поистине блаженным, привела их в предреволюционные годы к вере, вернула в дом отеческий. Именно поэтому с точки зрения властей советской России само их существование в среде рабоче-крестьянского по идеологической сущности государства представлялось невозможным. Путь *от марксизма к идеализму* был уже проделан, и любое описание этого нелегкого маршрута могло посеять зерна сомнения в умах строителей «светлого будущего». В то же время любые репрессивные меры по отношению к ним могли отозваться гулким эхом в международном Коминтерне, ведь многих из них старая дружба, начавшаяся еще в марксистских кружках, связывала со знаменитыми теоретиками и практиками революционного марксизма¹.

Эту «волну» русской эмиграции Мирра Лот-Бородина (1882–1957), жившая с 1904 года в Европе², остроумно и точно назвала *великим Исходом кающихся марксистов*³.

Весьма многочисленной в русской эмиграции оказалась группа православного духовенства, в которую наряду с простыми пастырями, служившими в городских и сельских храмах России, входили видные иерархи (митрополиты Антоний (Храповицкий), Евлогий (Георгиевский) и многие другие), а также представители академического духовенства, преподаватели духовных и светских учебных заведений, чиновники Ведомства

¹ К примеру, Карл Каутский, Г.В.Плеханов, А.В.Луначарский были старыми знакомыми Бердяева еще с конца прошлого века, а со многими «практиками» революции он познакомился во время своей вологодской ссылки 1900–1902 годов, см.: *Бердяев Н.А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. С. 107–115. Весь круг разнообразных знакомств «доизгнаннического» периода жизни Н.А.Бердяева подробно обозначен в замечательной работе А.В.Цветкова – Александра Вадимова (псевдоним): *Жизнь Бердяева*. Россия. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993. Эта книга рано умершего создателя бердяевского музея в Москве, вышедшая в США тиражом 600 экземпляров и давно ставшая редкостью, несомненно нуждается в переиздании.

² «Открытие» наследия византиниста, историка средневековой французской литературы, богослова, поэта, переводчика М.И.Лот-Бородиной произошло совсем недавно. Профессор Ф.Б.Поляков (Мюнхен), введший в научный и читательский оборот немало материалов по истории религиозно-философской и литературной мысли русской диаспоры в Европе и Америке, около трех лет назад опубликовал первый подробный очерк ее жизни, литературных и ученых трудов: *Poljakov, F.B.* Mirra Lot-Borodine: Wegzeichen und Dimensionen des west-Östlichen Dialoges in der russischen Diaspora // Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag. München: Verlag Otto Sagner, 1995. S. 401–413.

³ *Лот-Бородина М.И.* О церковной культуре мирян // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1953. № 30. С. 31.

православного исповедания бывшей российской Империи. Среди последних особо выдающейся фигурой представляется протопресвитер армии и флота отец Георгий Шавельский (1871–1951).

Очень скоро обозначились центры русской послереволюционной эмиграции – Берлин, Прага, Белград, Харбин и конечно Париж, город с которым у многих русских были *особые отношения*.

Здесь, в Париже в 1925 году увидел свет первый номер журнала «Путь»¹. Инициатором этого издания, его бессменным редактором и издателем стал Н.А.Бердяев².

Само название нового журнала указывало на его преемственность по отношению к кругу старых «путейцев» – участников Московского религиозно-философского общества, выразителем идей которого стало издательство «Путь», основанное в 1910 году и дополнившее своей программой уже хорошо известные в то время журналы «Вопросы философии и психологии» и «Московский еженедельник»³.

На страницах журнала появлялись и публикации, указывавшие читателям на непрерываемую связь «Пути» с родиной и церковью в России.

В этом отношении особенно показательным стал отзыв Н.А.Бердяева в № 3 «Пути»⁴ на книгу иезуита Мишеля д'Эрбиньи, посетившего Москву в октябре 1925 года. Основатель римского Pontificio Instituto Orientalis, ставшего впоследствии центром изучения католическими богословами традиции русского православия, за несколько дней пребывания в советской России, составил мнение о ситуации в религиозной жизни страны. Указывая на неблагоприятность духовного склада самого автора «для понимания русской души, русского религиозного типа»⁵ и на нескрываемое чувство удовлетворения, с которым гость Москвы «отмечал всякий процесс разложения в Православии»⁶, Бердяев ясно и

¹ Подробнее об авторах этого издания см.: Даниленко Борис, *прот.* Зерна единого хлеба; Указатель статей и публикаций журнала «Путь»: (Париж, 1925–1940). М.: «Business Forms Company», 1998. – 80 с. Эта брошюра сопровождает в рамках серии «Библиотека русской религиозно-философской и церковно-исторической мысли: На исходе XX века» электронное издание журнала «Путь» (www.borisdanilenko.ru).

² Бердяев писал: «Инициатива журнала принадлежала Г.Г.Кульману, который вообще много сделал для русских, особенно для религиозного движения среди русских. Осуществиться журнал мог только благодаря доктору Мотту, человеку сильного характера, замечательному христианскому деятелю, возглавлявшему “Христианский союз молодых людей” и “Христианскую студенческую федерацию”...»: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. С. 227–228.

³ См. статью и публикацию писем участников Московского религиозно-философского общества В. Кейдана: Путь, что на карты не попал. Письма русских философов. 1911–1914 // Русско-итальянский архив / Сост. Д.Рицци и А.Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. С. 157–339.

⁴ Бердяев Н.А. О д'Эрбиньи о религиозном образе Москвы в октябре 1925 г. (Michel d'Herbigny, S. I. L'aspect religieux de Moscou en octobre 1925. Orientalia Christiana. 1926. Vol. V. 3. № 20. Ianuario) // Путь. Париж. 1926. № 3 (март–апрель). С. 145–147.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 146.

провидчески точно обозначил позицию обновленцев, предводительствуемых Введенским, роль которого была «предательской относительно митрополита Вениамина, погибшего мученической смертью, и Патриарха»¹. Точна характеристика и самого предводителя *обновленцев-живоцерковников*: «В образе его (Введенского) нет ничего героического. Он может спорить публично, потому что он купил себе это право компромиссами и приспособлениями»². К великому сожалению, для многих даже из числа живших в Советском Союзе правильность таких оценок стала очевидной лишь много лет спустя.

Не только авторский, но и читательский круг журнала был достаточно широк. Подписчиками его стали и те, кому пришлось оказаться в самых удаленных от России местах, и те, кто жил в соседних с Советской Россией государствах.

Русское Студенческое Христианское Движение, возникшее еще в предреволюционной России и окончательно оформившееся при содействии Христианского Союза Молодых Людей (УМСА) после 1923 года в самостоятельную организацию, имело особую популярность в среде русской эмиграции. Многочисленные конференции, съезды и встречи РСХД, проходившие с начала 20-х годов в различных странах Европы, объединили многих православных выходцев из России. Среди них были авторы и читатели «Пути», причем некоторые из них были «ключевыми фигурами» в деятельности РСХД. К числу последних относится имя протоиерея Сергия Четверикова (1867–1947), бывшего духовником РСХД с 1928 по 1939 год³.

* * *

К сожалению мы уже привыкли говорить о новых мучениках российских не давая себе отчета в том, что географические пределы бывшего СССР не являются границей для самого явственного свидетельства веры в XX столетии. Но среди покинувших Советскую Россию были те, кто испил до дна чашу мучений за Христа. Вспомним три имени из «зарубежного» раздела нового русского мартиролога.

Подвиг монахини Марии (Скобцовой) (1891–1945) явился одним из самых удивительных примеров евангельского служения в нашем веке. *Положить душу свою за други своя* – вот девиз ее жизни, ставшей легендой, а точнее, новым житийным сказанием, дополнившим и обогатившим почти двухтысячелетний христианский мартиролог. Ее статьи также

¹ Бердяев Н.А. О д'Эрбиньи о религиозном образе Москвы в октябре 1925 г... С. 146–147.

² Там же. С. 147.

³ Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж: УМСА-Press, 1974. С. 365.

вошли в состав выпусков «Пути»¹, а круг ее общения в эмиграции включал многих из авторов журнала. Мать Мария, пораженная, а подчас шокировавшая многих своей непосредственностью, смогла показать и своей жизнью, и своей смертью в газовой печи Ревенсбрюке, что значит служить Богу, исполнять Евангельские Заповеди в наш страшный век.

Судьба И.А.Лаговского (1889–1941)² представляется весьма типичной для многих православных людей, на чью долю выпало жить в Прибалтике до и после прихода туда советского строя. Сын священника, выпускник Киевской Духовной Академии, он в 1920 году оказался в эмиграции, где полностью посвятил себя делу религиозного воспитания и образования. Поначалу его занятия были связаны со Свято-Сергиевским Богословским институтом в Париже, где он преподавал психологию и педагогику. Но распри, охватившие в начале 30-х годов это православное учебное заведение в связи с его выходом из юрисдикции Московского Патриархата, заставили Ивана Аркадьевича перебраться в Прибалтику³. В Эстонии, где он жил с 1933 года, являясь редактором «Вестника РСХД», им велась активная педагогическая работа среди подростков и молодежи. Как талантливый и активный церковный публицист, И.А.Лаговский участвовал в различных христианских изданиях и активно работал на многочисленных встречах и съездах, проходивших в рамках деятельности РСХД в Прибалтике. После смены власти в Эстонии летом 1940 года И.А.Лаговский был арестован, ему были предъявлены обвинения, по сути своей сводившиеся к сознательной борьбе с существующим в СССР строем. Ранее в буржуазной Латвии то же самое инкриминировалось ему и его друзьям в отношении подрыва свободы и независимости в прибалтийских странах⁴. И очень скоро, уже Военным трибуналом Ленинградского округа, он был осужден по печально известной статье 58–4 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу. 3 июля 1941 года приговор был приведен в исполнение⁵. А почти через 50 лет Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила этот приговор «за отсутствием состава преступления и реабили-

¹ Среди публикаций, посвященных ей, первенство, несомненно, остается за книгой протоиерея Сергия Гаккеля, вышедшей в Лондоне в 1965 году и переведенной на многие языки и выдержавшей множество изданий: *One, of Great Price. The Life of Mother Maria Skobtsova, Martir of Ravensbrück.*

² См.: *Милютина Т.М.* Иван Аркадьевич Лаговский (1889–1941) // Вестник РХД. № 159. 1990. С. 263–269).

³ И.А.Лаговский не пожелал сменить юрисдикцию и остался верным Московскому Патриархату, за что и был изгнан в 1931 году из преподавательской корпорации Богословского института.

⁴ См.: *Плюханов Б.В.* РСХД в Латвии и Эстонии. Париж: УМСА-Press, 1993. С. 201–218.

⁵ *Милютина Т.М.* Иван Аркадьевич Лаговский (1889–1941) // Вестник РХД. 1990. № 159. С. 269.

литировала И.А.Лаговского»¹. Отечественная история нашего столетия знает немало примеров такого запоздалого «торжества справедливости».

Профессор И.А.Стратонов (1881–1942), закончивший до революции историко-филологический факультет Казанского университета и живший в эмиграции в Берлине, отстаивал на страницах «Пути» необходимость для русских православных приходов юрисдикционного единства с православием в России, отрицая правомерность действий Карловацкого собора. За свои взгляды он поплатился жизнью, так как с позиции германских нацистов такую преданность Московскому Патриархату квалифицировать можно было лишь как попытку *свержения существовавшего тогда в Германии строя*. Погиб И.А.Стратонов в 1942 году в концентрационном лагере².

* * *

Последним увидел свет 61 выпуск «Пути». Причина закрытия журнала была очевидной. Немецкие войска вошли в Париж в июне 1940 года и русскоязычный печатный орган, предваривший свой очередной выпуск после начала Второй мировой войны редакционной заметкой *«Решительный час исторической судьбы»*, был обречен. В коротком тексте заметки со всей возможной ясностью излагалось *социальное credo* редакционного и авторского коллектива «Пути»:

«"Путь" выпускает этот свой 60 номер в трагический час истории Европы и мира. Мы вступаем как бы в другое измерение исторического существования... Сохранит ли Европа свободу духа, свободу мысли, свободу дыхания, все, что составляет достоинство человека, или ее ждет рабство, рабство тоталитарных режимов, основанных на морали гангстеров? Германия, которая в прошлом была прославлена гениями мысли и творчества, допустила себя до неслыханного рабства и хочет поработить другие народы и весь мир. Империалистическая воля к могуществу доводит до безумия. Германия не подчинилась ни Богу, ни человеческой свободе, и она подпала власти рока, власти темных иррациональных сил. В мире должна быть сокрушена демоническая воля к могуществу. Она обозначила окончательный разрыв с евангельской моралью и возврат к язычеству... Таков всякий фашизм и расизм, таков и фашизм коммунистический...

¹ Плеханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии... С. 226–227.

² Одна из работ И.А.Стратонова *Русская церковная смута (1921–1931)* опубликована в сборнике *Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии*, изданном Крутицким Патриаршим подворьем в 1995 году в Москве (С. 29–172). В предисловии к сборнику Илья Соловьев приводит некоторые сведения об авторе (С. 6–7).

Эта война, которая должна кончиться победой свободы над рабством, ставит проблему не только национального и социального переустройства, но и духовного изменения человеческих обществ. И нужно надеяться, что последствия ее будут иные, чем последствия предшествующей войны. Может пробудиться тоска по свободе, человечности и духовности. И пусть свобода, а не рок определит будущее»¹.

* * *

...Москва, Маросейка, 22-й год, осень.

К настоятелю храма святителя Николая в Кленниках отцу Алексию Мечеву² пришел человек. Он учен, умен, образован и талантлив. За несколько дней до изгнания душевное смятение и растерянность, непонимание происходящего с ним и с его страной заставляют просить помощи и совета у опытного в духовной жизни пастыря:

— ...Покинуть навсегда Родину... Какой в этом смысл? Для чего это?

В ответ Николай Бердяев услышал:

— Вы должны ехать ... ваше слово должен услышать Запад³.

¹ Путь. 1940. С. 3.

² Святой праведный пресвитер Алексей причислен к лику святых Архиерейским собором Русской православной Церкви в 2001 года.

³ Рипп Е.Ю. Примечания // Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. С. 310.